

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭКСКУРСЫ В. Д. СПАСОВИЧА В
«ОЧЕРКАХ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»**

Л. М. Аржакова

В статье рассматривается вклад известного юриста и публициста В. Д. Спасовича (1829–1906) в изучение истории Польши. Особое внимание обращено на его трактовку роли шляхты в политическом развитии Речи Посполитой в XVI–XVII вв. Вместе с тем отмечено, что Спасович достаточно критически оценивает характер шляхетского национально-освободительного движения XIX в.

Ключевые слова: В. Д. Спасович, шляхта, Речь Посполитая, польская литература

Когда в начале 1860-х гг. наш крупнейший знаток славянской культуры, литературовед и этнограф А. Н. Пыпин¹ приступил к составлению обзора истории славянских литератур, для написания польского раздела книги он пригласил В. Д. Спасовича.

Владимир Данилович Спасович (1829–1906) в ту пору уже был достаточно известным петербургским адвокатом и журналистом либерального направления. Поляк по происхождению, он увлекался родной историей. Участвовал в предпринятом одним из наиболее активных деятелей петербургского землячества поляков Иосафатом Огрызко² переиздании свода польских законодательных памятников 1347–1780-х гг., осуществлённого в XVIII в. и давно ставшего библиографической редкостью³. По находившимся в Публичной библиотеке двум манускриптам перевёл с латыни на польский такой важный исторический памятник, как «Восемь книг бескорольев» Свентослава Ожельского, очевидца и участника описываемых событий – избрания на польский трон Генриха Валуа, а затем Стефана Батория⁴.

В «Обзоре истории славянских литератур» Пыпина и Спасовича⁵ посвящённый Польше очерк был предельно краток. Через полтора десятилетия при переиздании книги – теперь она называлась «История славянских литератур»⁶ – польский раздел был значительно дополнен и занял собой

---

¹ Аксёнова Е. П. А. Н. Пыпин о славянстве. М., 2006.

² См., например: Базылев Л. Поляки в Петербурге: Пер. с польск. СПб., 2003.

³ Volumina legum. SPb., 1859–1860. Т. 1–8.

⁴ Świętosława Orzelskiego beskrolewia ksiąg ośmioro. SPb., 1856. Т. 1–3.

⁵ Пыпин А. Н., Спасович В. Д. Обзор истории славянских литератур. СПб., 1865.

⁶ Пыпин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. СПб., 1879–1881. Т. 1–2.

почти половину второго тома. Год спустя ещё более расширенный вариант этого очерка выйдет на польском языке в виде отдельной книги под заглавием «История польской литературы». Затем книга будет дважды переиздана⁷.

«История польской литературы» и предшествовавшие ей разделы в совместном труде Пыпина и Спасовича представляют интерес во многих отношениях. В данной статье остановимся лишь на одном вопросе – на том, как автор характеризовал развитие польской государственности.

Не вступая в прямую полемику с С. М. Соловьёвым, Н. И. Костомаровым и другими российскими историками, считавшими Речь Посполитую абсолютно нежизнеспособным политическим образованием, Спасович старался доказать, что в действительности дело обстояло не столь просто.

Не удивительно, что особое раздражение консервативной печати, враждебно принявшей книгу Пыпина и Спасовича, было вызвано тем, как там освещалась история польской литературы. Для откликов такого рода показателен вышедший в 1884 г. труд виднейшего представителя крайне правого крыла российской общественной мысли М. О. Кояловича «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям». Помещённый в самом начале этого капитального сочинения подробный, занявший несколько страниц разбор «Истории славянских литератур» больше походил на политический донос: книга, на взгляд Кояловича, «производит самое тяжёлое впечатление и способна порождать чудовищные понятия, которые в ней отчасти и прямо проповедаются» и т. д. О писаниях Спасовича, помимо прочего, без обвиняков было сказано, что они «отличаются обычными, свойственными этому автору качествами, – красотой общих мыслей и фраз и поражающею фальшью самого дела, притом с тою особенною окраскою видимой гуманности и действительного фанатизма ко всему русскому, какие возможны только в ополячившемся русском западной России»⁸.

Собственно говоря, Пыпин, приглашая Спасовича в соавторы, ничего другого и не ожидал. В предисловии ко второму тому «Истории славянских литератур» им будет отмечено, что участие Спасовича в книге 1865 г. «не обошлось... без злостных комментариев»⁹. У ревнителей теории официальной народности действительно были основания негодовать – работа Спасовича резко контрастировала с тем, что писалось М. Н. Катковым и его единомышленниками. Лишний повод для обвинений в полонофильстве давали те краткие характеристики состояния польского общества и государства, какие предваряли каждый из разделов текста, посвящённого польской литературе.

⁷ См., например: *Spasowicz W. Dzieje literatury polskiej / Przekład z rosyjskiego. Wyd. trzecie. Kraków, 1891.*

⁸ *Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884. С. 6.*

⁹ *Пыпин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. XIII.*

Центральное место в рассуждениях Спасовича по поводу польской истории заняла шляхта и её роль в становлении и развитии Речи Посполитой. Такой подход к проблеме не был чем-то новым. Но в литературе преобладали крайности. Или роль шляхты идеализировалась, что особенно ошутимо у выдающегося польского историка-романтика Иоахима Лелевеля. Или, напротив, на шляхту возлагали вину за все свалившиеся на поляков беды, до разделов Речи Посполитой включительно – вторая тенденция была свойственна русским историкам. Спасович стремился как-то сбалансировать свет и тени «шляхетской республики» – хотя не скажешь, что ему это вполне удалось.

Порядки в Речи Посполитой автору явно импонировали. Он не без гордости напоминал, что «сеймованием, системою парламентаризма, развернувшегося в Польше с особою полнотою и последовательностью», поляки опередили англичан. Но Спасович не забывал, что рост политического веса шляхты совершился «в ущерб всем другим составным частям общественного организма». По его словам, Польское государство – эта «монархия с аристократически-республиканскими учреждениями, с законами, в которых проведена была... до последних крайностей идея почти беспредельной свободы гражданина» – было повинно в том, что Польша не сумела остановить натиск немцев на восток и «стать твёрдою ногою на море Балтийском», а искала распространения главным образом на востоке, в московско-русских землях¹⁰.

Ранее, в «Обзоре...», автор ограничивался констатацией того факта, что в XVI столетии, «в так называемый период Сигизмундов... шляхте удалось достигнуть преобладания, превратить наследственный престол королей в избирательный, вроде федеративной республики, имеющей во главе весьма ограниченного в правах своих монарха»¹¹. Полтора десятилетия спустя, в «Истории славянских литератур» Спасович счёл нужным добавить: «... слабая сторона этого строя заключалась в том, что настоящим народом была только шляхта»¹², что только «шляхта ворочает всем: она имеет в руках местное земское самоуправление; она превратила королевскую власть в учреждение от себя зависимое посредством избрания королей; она участвует во власти законодательной с королем и сенатом посредством своих земских нунциев»¹³. Впрочем, этот осторожный упрек тут же был уравновешен напоминанием о том, что «главную силу Польши составляла владеющая землею шляхта» и что именно она утвердила то политическое устройство, которое «при всей своей односторонности... в высокой степени способствовало развитию личности и проявлению великих гражданских доблестей»¹⁴.

¹⁰ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 449–450.

¹¹ Пытин А. Н., Спасович В. Д. Обзор истории славянских литератур. С. 363.

¹² Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 450.

¹³ Там же. С. 477.

¹⁴ Там же. С. 478.

У Спасовича такого рода колебания в оценках шляхты и созданной ею формы государственности отнюдь не редкость. Если в одном месте он, как уже видели, пишет, что в Польше «монархия, с аристократически-республиканскими учреждениями», по существу, оказалась несостоятельной в отстаивании как собственных интересов, так и интересов соседних славянских земель, то через несколько страниц им будет заявлено, что в XVI столетии «шляхетство было в полном цвету, без колючек и терний», «при таком благосостоянии материальном и при такой свободе политической»¹⁵.

Дальнейшая эволюция шляхетской республики, естественно, рисовалась автору не столь оптимистично: «... осуществив вполне свой идеал золотой свободы, господствующий класс бросил якорь: ему не к чему было стремиться; неподвижный консерватизм сделался господствующим настроением; общество окаменело, чуждаясь, как посягательств на свободу, всяких преобразований... Единогласие, как условие законности постановлений, парализовало государственную власть» и пр.¹⁶

Свойственная Спасовичу-историку известная непоследовательность в оценках людей, событий, государственных институтов ярче всего проявит себя, когда он перейдёт к такой действительно противоречивой и до сих пор вызывающей споры фигуре, как Станислав Август Понятовский. Король Станислав Август, как утверждалось в «Обзоре...», «оказался ошибкою попавшим на престол артистом и литератором, тонким ценителем красот в деле искусства, но бесхарактерною и пустою куклою в политике». Последнему королю Речи Посполитой предъявлен упрёк за то, что тот оказался «не способен в решительную минуту стать во главе консерваторов под древним испытанным знаменем шляхетства и католицизма, отстоять старую Польшу, когда её отстаивали некогда его предшественники против Москвы, Турок и Шведов, и продлить по крайней мере на некоторое время её существование»¹⁷. Но буквально через пару страниц сам же автор утверждает, что «старое шляхетство было вполне исчерпано в XVIII столетии, идеалы его оказывались несостоятельными»¹⁸. Так в чём же, возникает вопрос, был не прав Станислав Август, отказавшись «стать во главе консерваторов под древним испытанным знаменем шляхетства и католицизма», кроме разве того, что вместе с тем «был не способен также стать в главе новаторов, призвать на помощь все революционные элементы»¹⁹?

Должно быть, осознав, что незаслуженно восславил «древнее испытанное знамя шляхетства и католицизма», Спасович во втором издании труда внёс в образ Станислава Августа – и в общую характеристику XVIII в. – существенные коррективы. Здесь отдано должное достоинствам

¹⁵ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 480.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Пытин А. Н., Спасович В. Д. Обзор истории славянских литератур. С. 427.

¹⁸ Там же. С. 429.

¹⁹ Там же. С. 427.

последнего польского короля: «Станислав Август Понятовский был бесспорно один их образованнейших философов XVIII в., притом человек несомненно благонамеренный, трудолюбивый и серьёзно старавшийся сыграть с достоинством и наилучшим по возможности образом многотрудную роль польского короля». В то же время отмечено, что «деятельность его лишена была всяких нравственных устоев, нравственной подкладки; отсутствовала та сила воли, которая заставляет человека идти почти на невозможное»²⁰.

По сравнению с «Обзором...» в «Истории...» были заметно смещены акценты. Теперь оказывается, что «стоять во главе консерваторов под старым испытанным знаменем шляхетства и отстоять старую Польшу, с Барскими конфедератами заодно» польскому королю «мешали его философские убеждения». С пониманием и даже сочувствием отмечено, что «идти во главе новаторов, навстречу последней катастрофе и призвать в крайнем случае даже (подчёркнуто нами. – Л. А.) революционные элементы на национальную войну против соседей – он не мог по недостатку энергии в характере, по отсутствию смелого почина»²¹. Первое из обвинений теперь было заметно смягчено: вместо неспособности нести «древнее испытанное знамя шляхетства и католицизма» выдвинуты «философские убеждения». Революционные элементы на сей раз также не вызывают особого одобрения. Больше того, действия Станислава Августа Спасовичем практически оправдываются: «Когда... исчерпаны были средства отклонить неизбежное событие, Станислав Август мирился с ним, умывая руки, принимал предлагаемое, проходил под иго требований, как бы они для него унижительны ни были, и продолжал лицедействовать... Не будь этой уступчивости, очень может быть, что уже в 1772 г. Польша была бы окончательно разделена»²².

Как всякий пишущий об истории Польши, Спасович не прошёл мимо вопроса о причинах гибели Речи Посполитой. Так он, и здесь расходясь с С. М. Соловьёвым, полагал, что приписывать упадок Польши «стремлению шляхты к необузданной свободе, неумению сторониться с своим я перед требованиями общего блага» есть мнение крайне ошибочное и не выдерживающее «ни малейшей критики»²³. Этому своему убеждению Спасович не изменил и в книге 1881 г.

Похоже, его по-прежнему восхищают государственные институты Речи Посполитой. Он явно идеализирует «свободные учреждения вроде польских», которые, на его взгляд, как раз были «возможны при превратившейся в нрав и обычай склонности подчинять свое я требованиям общего блага». Вопреки традиционно-пренебрежительному отношению российской полонистики к дворянскому сословию Речи Посполитой, Спасович высоко оценивает эту «склонность польской шляхты», простиравшуюся,

²⁰ Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. С. 554.

²¹ Там же. С. 554–555.

²² Там же. С. 555.

²³ Пытин А. Н., Спасович В. Д. Обзор истории славянских литератур. С. 422.

по его словам, «до самоотвержения, до геройства». И – несмотря на то, что автор не закрывал глаза на негативные стороны шляхты как правящего сословия, – им делался вывод: «Её ошибка заключалась только в том, что она отождествляла себя с народом и, носясь с своим идеалом общественного устройства, не понимала его иначе, как в форме аристократической». Самой привлекательной чертой в облике тогдашней польской шляхты для него, по-видимому, была её «упорная вера в свой политический идеал, изумительная стойкость в самых трудных обстоятельствах». Спасовича восхищало «умение единиц группироваться в массы по всякому призыву во имя угрожаемого отечества»²⁴.

Работа над «Обзором истории славянских литератур», увидевшим свет в 1865 г., шла в ту пору, когда ещё свежа была память о восстании 1863 г., когда, по выражению Спасовича, ещё «не просохла кровь на свежих побоищах, ещё... раздаются стоны сражённых и победные клики»²⁵. И он, «приступая к изложению новейшего периода истории польской литературы», вполне сознавал, что «в настоящую минуту нет никакой возможности выполнить эту задачу удовлетворительно в научном отношении, потому что спокойной критике фактов мешают возбуждённые последними событиями политические страсти». По мнению Спасовича, «при подобных условиях, едва ли своевременно касаться литературы», поскольку она «работала не ради одного эстетического наслаждения, но с начала до конца имела направление практическое и развивала известные политические идеи, враждебные, конечно, России». Он признавал, что в польской литературе «исподволь и в течение многих лет, несмотря на все цензурные стеснения, вырабатывались все горючие материалы, которые и произвели два вулканических взрыва, один 1831, другой 1863 года»²⁶.

Убеждённый сторонник так называемого органического труда, он прямо заявлял, что «на оба взрыва потрачено непроизводительно множество живых сил, которыегодились бы на иное дело». Рискуя навлечь на себя негодование своих соотечественников, среди которых, как он знал, многие сохранили веру в повстанческие идеалы, он не без восхищения писал о «необыкновенной живучести национальности», которая проявила себя в этих «вулканических взрывах». Тем не менее взрывы эти, на его взгляд, представляют собой «весьма назидательный не только для народа польского, но и для всех других, пример того, как губительны могут быть увлечения одним исключительным и односторонним патриотизмом, если этому патриотизму приносятся в жертву общечеловеческие интересы, справедливость, истина, цивилизация». Иными словами, Спасович, отстаивал позиции «угодовцев», принципы «органической работы», получившие широкое распространение в польском обществе после поражения Январского вос-

²⁴ Пытин А. Н., Спасович В. Д. Обзор истории славянских литератур. С. 422.

²⁵ Там же. С. 456.

²⁶ Там же. С. 456.

стания. Спасович, проникнувшись новыми идеями и явно стремясь учитывать русское общественное мнение, в то же самое время не раз на протяжении своего историко-литературоведческого труда – вольно или невольно – отдал дань традиционным воззрениям, не удержавшись от идеализации старошляхетских порядков.

В целом общественно-политическая и научная позиция В. Д. Спасовича заметно перекликалась с той, какую несколько лет спустя займёт Н. И. Кареев, искавший в исторической науке путь к примирению польского и русского народов. И заявление одного из авторов «Истории славянских литератур» о том, что «уразуметь роковую необходимость борьбы двух главнейших ветвей славянского племени может только тот, кто способен становиться мысленно на точку зрения каждой из двух враждебно одна к другой относящихся национальностей»²⁷ – не лишнее тому подтверждение.

Литература:

Аксенова Е. П. А. Н. Пыпин о славянстве. М., 2006.

Базылев Л. Поляки в Петербурге. СПб., 2003.

Коялович М. О. История русского самосознания. СПб., 1884.

Пыпин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. СПб., 1881. Т. 2.

Пыпин А. Н., Спасович В. Д. Обзор истории славянских литератур. СПб., 1865.

Spasowicz W. Dzieje literatury polskiej / Przekład z rosyjskiego. Wyd. trzecie. Kraków, 1891.

Świętosława Orzelskiego beskrolewia ksiąg ośmiuro. SPb, 1856. T. 1–3.

Larissa Arzhakova

V. D. SPASOVICH'S HISTORICAL DIGRESSIONS IN «STUDIES IN POLISH LITERATURE»

Summary

In the article the contribution of the known lawyer and publicist V. D. Spasovich (1829–1906) in studying of history of Poland is considered. The special attention is turned on his treatment of a role of Polish szlachta in the political development of Rechi Pospolitoj at XVI–XVII centuries. At the same time, it is noticed that Spasovich critically enough estimates character of the Polish national-liberation movement of 19 centuries.

Keywords: Spasovich, szlachta, Rech Pospolitaja, the Polish literature

---

²⁷ Пыпин А. Н., Спасович В. Д. Обзор истории славянских литератур. С. 456.